

Только со смертью догмы начинается наука

(Продолжение. Начало см. в «НВС» № 44)

Нежданный гость

Неандертальцам драматически не везло с первого явления их на свет из тьмы забвения, отстоящего на 150 тысячелетий от времени появления на Земле первых поколений *Homo sapiens*. Выход *Homo neanderthalensis* из людского беспамятства в начале второй половины XIX века сопровождался двумя оглушительной шумности скандалами.

I — всех членов элитных обществ Европы, в особенности утонченно мыслящих дам-аристократок, взбудоражили и почти до истерик возмутили высказывания Чарльза Дарвина о происхождении человека, «предмета, окруженного предрассудками». Великий эволюционист прямо, без двусмысленных оговорок, не щадя самолюбия изнеженных цивилизованностью светских львиц и львов, заявил: «Мы должны признать, что человек со всеми его благородными качествами, его божественным, высокими способностей умом, который постиг движение и устройство солнечной системы, все-таки несет в своем физическом строении неизгладимую печать низкого происхождения. Родословная людей восходит к четвероногому, волосатому и хвостатому животному и стыдиться того, право же, не стоит».

II — остыть общественным страстям не дало тогда же сделанное открытие в ущелье Неандерталь окрестностей Дюссельдорфа (Германия). Там в гроте Фельдгофер случайно при земляных работах обнаружили костные останки обезьянообразного существа, подобия монстра. Череп его, с объемом мозга, близким объему «инструмента мышления» *Homo sapiens*, был, однако, очень низким, приплюснутым, весьма широким и необычайно длинным, а не коротким и объемно округлым, как у «людей разумных» современности. Он поразил анатомов звериной примитивностью — лоб, круто скошенный к макушке, а верх лицевой части, место бровей, оконтуривали дуги тяжеловесных, выдвинутых вперед костяных гребней. Они нависали над глазами массивными козырьками, вызывая в памяти карикатурно-человеческие физиономии шимпанзе и гориллы. И тут, как водится, сразу же нашелся деятель науки, склонный к рискованным умозаключениям. Поклонник идей Ч. Дарвина, профессор естественных наук и философии Иоганн-Карл Фюльротт заявил в полном соответствии с духом новых веяний: в долине Рейна открыт ни кто иной, как «ископаемый предок», давно искомое «недостающее звено» родословной человечества, объединяющее в одну семью антропийных обезьян с теми, кого считают потомками «творения Господа». С.И.-К. Фюльротт согласился анатом и историк, профессор Боннского университета Герман Шаффгаузен и ярый сторонник Ч. Дарвина, язвительный полемист с английской церковной братией Генри Гексли.

Воспротивились «скоропалительному выводу» не только истовые католики, верные слуги Святого престола, но и безупречной репутации профессионалы из мира высокой науки. Альфред Уоллес, соперник Ч. Дарвина в первенстве формулирования постулатов эволюционной теории, ограничил комментарий всего лишь одним словом — «Дикарь!» (намекая то ли на австралийцев, то ли на обитателей непроходимых африканских джунглей). Прюнер-Бей, французский антрополог, отстрелился от нежданного родственника короткой фразой: «Курьез Природы, идит от рождения». Анатом А.Ф. Мейер сочинил душераздирающую драму: в грот в 1814 году заполз раненый и там же вскоре умерший «казак-монголоид из армии русского генерала Чернышева», воинство которого, преследуя великого Наполеона, мстительно рвало в Париж. Свидетельствуют о том, помимо обезьяноподобного лица, кривые, колесом, бедренные кости варвара из Сибири. Он всю, с раннего детства, жизнь проводил в седле и умел лишь стрелять из лука да лихо размахивать саблём («цивилизованный западноевропейец» никогда не упустит шанса уколоть «азиатскую в дикости Россию», будь она даже освободителем его).

Реальность, однако, оказалась, в конечном счете, совсем иной, и открытия последующих лет подтвердили правоту И.-К. Фюльротта. Но подлинная, со многими фундаментальной весомости установками истина, безжалостно сокрушавшая религиозные и научные догмы, ошеломила бы, пожалуй, даже самого Ч. Дарвина, а с ним и Г. Гексли, узнай они, что «иско-

паемый предок» начал любопытствовать архаическим умом своим относительно «предмета», абсолютно, кажется, невероятного для той поры древности — о «движении и устройстве солнечной системы».

Ушедшие в инобытие

Скептический (если не презрительный) взгляд на неандертальца как на «ископаемого предка» сохранился лишь до поры, пока находки ограничивались разрозненными частями его скелета. Так, сомнения, пожалуй, даже усилились, когда впервые была обнаружена его нижняя челюсть — грубая, крупнозубая, клыкастая, массивная, лишенная подбородочного выступа и заметных признаков способности к членораздельной речи. Но негативным мнениям пришлось поухититься, когда археологам в начале XX века повезло сразу же возникло ужаснувшее всех без исключения специалистов подозрение — они, бессловесные, возможно, хоронили в землю сородичей, для чего выкапывали ямы, предназначенные для погребения потерявших признаки жизни (т.е., как теперь говорят, для «отошедших в мир иной»). Знатоков древностей потрясла мысль: так неужели делалось это для провода их именно туда, а не по «гигиеническим соображениям»?

Такой крутизны разворота драмы отыскания истинного предка никто не ожидал. Перспектива осмысления найденного в культурных слоях пещерных убежищ троглодитов вызвала панический страх у теоретиков обоих бескомпромиссно противоположных лагерей, однаково обеспокоенных сохранением на плаву своих основополагающих догм: богословов приводила в трепет необходимость признания факта, для них несурового в очевидности — обезьянообразности предка, согласно канонам Библии — подобия образа Господа, творца его. А материалистам-антирелигиозникам предстояло, досадуя, уверовать в строгую догму церковников — человеку изначально присуща вера в Бога и загробное существование. Ведь объяснить появление у предшественника *Homo sapiens* погребальных сооружений невозможно иначе, как понятиями религиозными — убежденностью обезьяночеловека в существовании инобытия, т.е. ухода после смерти в потусторонность.

Но в какую? Неужто и впрямь — во веземную, небесную, с Луной и Солнцем?!

Растерянность идеологических ангажированных «игроков» — интеллектуалов от церкви и науки, обеспечило полувекоевое их противостояние. Оно привело к невозможному ранее — единомышленниками стали еретики-патеры и ученые-еретики, которых, для примера, в России долго и занудно поучали неистовые борцы с «мракобесием», авторы целого завала книг и статей о «дорелигиозной эпохе», будто бы образцово представленной неандертальцами. Вот как, к примеру, презентовали значимость раскопанных во Франции захоронений архаических прапредков аббаты, братья А. и Ж. Буиссонне и Л. Бартон: «В той степени, в какой показано философией и наукой, что акт погребения мертвых предполагает религиозные верования и чувства, в той же степени можно утверждать, что в неандертальский период у человечества была религия».

Солнцепоклонники

Алексей Павлович Окладников, первооткрыватель первого захоронения неандертальца в Азии, уточнил, какая то была религия. Анализируя в 1938 году особенности весьма сложного ритуала погребения в пещере Тешик-Таш горной страны Байсун-тау (Узбекистан), он пришел к предельно дерзкому для диалектика-материалиста и марксиста заключению — неандертальцы чтили Солнце, культовым воплощением которого на Земле воспринимали горного козла, покорителя близких к Небу обрывистых скальных вершин. Подтверждение тому он усмотрел в размещении головы умершего в круге из шести пар рогов козла (круг — символ Солнца, небесного огня) и захоронении вблизи его и очагов, символов земного огня, останков животного, принесенного в жертву при погребении.

Скованные догмами дурно понятых марксизма и материализма теоретики происхождения человека и религии из клана жестко идеологизированной гуманитарной науки России выразили негодующие протесты (то были 50-е годы, разгар времени разоб-

лачения всяческих «идеалистических веяний» и «псевдоученых увлечений», в реальности — удобного орудия расправы с инакомыслием). А. П. Окладникова обвинили в деяниях чудовищных, смертельно опасных — потворстве религиозному экстремизму и мракобесию, а также в антидиалектических, буржуазно-клерикальных по духу заблуждениях при оценке сомнительной ценности фактов, быть может, рожденных фантазиями ума. Неандертальцам продолжали отказывать в принадлежности к роду *Homo*, что нашло крайнее отражение в уподоблении его «снежному человеку».

Мне полвека назад, в аспирантские лета, довелось быть слушателем теоретического семинара Института археологии в Ленинграде, на котором Б.Ф. Поршневу, известному и модному даже ныне философу, палеопсихологу, теоретику происхождения человека и лучший в стране знаток «снежного человека», живописал сообщество неандертальцев подобием стаи остервенело голодных гиен — жадными пожирателями падали, скудных остатков еды снежных барсов, единственных из зверей, кто мог успешно охотиться на козлов, обитателей высокогорных скал, подобных узбекскому Байсун-тау. Докладчик учел все нужное для математически точной правильности своих мыслей: и число барсов и козлов на квадратный километр охотничьих угодий, и количество (в килограммах) пищи, необходимой для пропитания хищников, и вес оставшейся от их трапез падали; и, наконец, количество «санитаров», усердных подборщиков ее, неандертальцев, конечно же, неспособных догнать и убить быстроногих козлов, вследствие неуклюжести своего тела и, надо догадываться, — дебильности ума...

Б.Ф. Поршневу был прав лишь в одном, но весьма существенном — чтобы дать должную оценку нескончаемым спорам о неандертальце и похоронить связанные с ним догмы, нужно использовать не археологические или антропологические аргументы, допускающие противоречивые толкования, а предъявлять факты из области точных наук, исключающие ученое своеволие. Таковыми и стали теперь в точности те же объекты «орнаментального вида искусства», которые «реабилитировали» *Homo erectus*, питекантропа, — «записанные» на поверхностях костей и камней цифровые ритмы перемен фаз ночного светила. Числа, отражающие их, были близки тем, что использовал «обезьяночеловек» из Штейнрина. Значит, с неандертальцем, последнего из обезьянолюдей, следовало снять подозрения в ответственности за бездарную потерю им познанного его предшественником 200 тыс. лет назад. Что касается астральной религии, в частности, культа, связанного с Солнцем, то наличие его подтвердило изучение особенностей ориентации могильных ям и открытие в двух из них календарей, предназначенных, видимо, для использования в инобытии. Умершие укладывались головами не только на восток или запад, на юг или север, но также в стороны восхода или заката дневного светила в дни летнего или зимнего солнцестояний. Те из археологов, кто фиксировал эти направления, невольно следовали настойчивому наставлению Галилео Галилея о действиях в затруднительных для научных изысканий ситуациях: «Измеряй всё доступное измерению и делай недоступное измерению доступным». А как иначе достоверно реконструировать деяния ума предка древнекаменного века?

И тут опять возникает вопрос: первые поколения «Человека разумного» заимствовали познанные неандертальцами «Законы Неба и светила» или им пришлось постигать их заново «просветленным, освобожденным от звериной дикости разумом»? Для решения такой проблемы нужно погрузиться в древность, отстоящую от современности, по меньшей мере, на 40 тыс. лет от года введения ЕГЭ и устранения астрономии из образования жаждущих миропознания «цивилизованных потомков».

Но это сюжет для другого рассказа.

В.Е. Ларичев, доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора археологической теории и информатики Института археологии и этнографии СО РАН
 На илл.:
 — И.-К. Фюльротт;
 — А.П. Окладников;
 — неандертальский человек — первая реконструкция облика;
 — девочка из грота Тешик-Таш;
 — цифровые ритмы перемен фаз ночного светила.

